



Да, люди неразумны, непоследовательны и эгоистичны.

И все же люби их!

Если делаешь добро, люди обвинят тебя в затаенной корысти и себялюбии.

И все же твори добро!

Искренность и открытость сделают тебя уязвимым.

И все же будь искренен и открыт!

То, что ты строил годами, может разрушиться в одно мгновение.

И все же строй!

Люди нуждаются в помощи, но они же станут упрекать тебя за нее.

И все же помогай людям!

*Советы Матери Терезы*



## *Глава 1*

Июльский полдень таился за окнами домов и под навесами, отгораживался обманом от палящего зноя. Иногда притворялся, что умер. Клонил к земле вялые обморочные травы, выставлял на обозрение, как жертву, потрескавшийся участок дорожной обочины. Умирать или притворяться мертвым ему было не впервой — в этих-то жарких краях... А когда в окрестностях славного города Феодосии не бывало жары в июле, чтобы полуденное солнце не жарило бы курортника похище адовой сковородки?

И в Ближних Камышах, то есть в этих самых окрестностях, случился в этом году солнечный катаклизм. В самый что ни на есть пик сезона. Все как положено. И народу понаехало — тьма. По сравнению с предыдущим летом, конечно. А что делать? Время такое. Не от погоды зависит, а от геополитики.

Под одним из таких навесов сидели трое мужчин, пили пиво, лениво заедали чищенной воблой, аккуратно разложенной кусочками на газете. По виду — типичные отдыхающие. По мане-

## ВЕРА КОЛОЧКОВА

рам — перепутавшие Ближние Камыши с отелом где-нибудь на Гавайских островах. Слишком движения были замедленные, слишком небрежные, а выражения лиц — насмешливо снисходительные. Старший из мужчин был лет сорока, сухой, высокий, со впалой грудью, обожженной до болезненной красноты солнцем. На лице его было написано если не страдание, то большое недоумение — вот незадача случилась в это захолустье попасть, еще и ожог получил... И в то же время казалось, что это страдальческое недоумение было размыто выражением смиренной покорности — ничего, можно и ожог перетерпеть, если надо. Перетерплю, куда не денусь.

Он даже пиво пил, будто одолжение делал. С недоумением и покорностью. А к вобле вообще не прикасался, смотрел с безгливостью на мятую газету, на которой она была разложена. Потом огладил узкой ладонью обожженную грудь, промычал что-то и болезненно прикрыл глаза.

— Чего, Антоха, сильно припекло? — спросил его второй мужчина, поднося к глазам кусок воблы и внимательно его рассматривая. Потом проговорил тихо, будто для самого себя: — Надо бы спросить у деда, он сам воблу чистил или уже разделанную купил... Черт его знает, какие ручонки ее разделявали, еще и заразы какой-нибудь нахватаешься, не приведи господь...

— Платош... Если сомневаешься — не ешь, — посоветовал тот, который Антоха, и снова помор-

## *Чувство Магдалины*

щился брезгливо. — И не поминай господу всеу, тем более рядом с чертом! Слух режет, честное слово!

— Да ты у нас эстет, Антоха! Глаза не хотят видеть, уши не хотят слышать! А у меня все наоборот... Глаза видят и уже хотят... Знаю, что нельзя, но ручонка сама тянется!

— Не понимаю, хоть убей... — дернул плечом Антон. — Зачем есть эту рыбу, если нельзя?

— Так хочется ведь, я ж тебе говорю! — живо отозвался Платоша. — Как не хотеть-то? Ты посмотри — все так, как мы планировали, живая картинка! Вот тебе крымское пиво, а вот вобла. И мы все вместе под навесом сидим, в доме у деду. Я всю весну видел этот навязчивый сон, во всех деталях... Как сижу под этим навесом, пиво пью и воблу грызу!

— Ну, так и будь счастлив...

— А я и счастлив! По-моему, мы все сделали правильно, что собрались наконец и к деду приехали! Вон, раньше каждый год все втроем ездили, а потом все дела, дела... Сто лет собирались.

— Почему сто лет? Всего четыре года.

— Ну да... А договаривались — каждый год, помнишь? Или забыл?

Платон решительно сунул в рот кусок воблы, разжевал, запил щедрой порцией пива, крякнул от удовольствия. Впрочем, удовольствие было скорее показным, а кряканье слишком театральным. И глаза мужчины пивному удовольствию

## ВЕРА КОЛОЧКОВА

не соответствовали — не было в них присущей процессу туманной расслабленности, вместо нее плавала в глазах живая и острая смешинка, опять же дающая право сомневаться в искренности получаемого удовольствия. Да и весь облик Платона подтверждал собою это право сомнения — и его холеные белые руки, и гладкая кожа лица, и матово загорелая ухоженная лысина, которая с полным достоинством заявляет о значимом социальном статусе хозяина. А еще Платон был приземист, широк в кости и слегка полноват — округлое брюшко угадывалось под свободной майкой. Но и брюшко его не портило, а наоборот, служило неким дополнением к тому самому явно предполагаемому социальному статусу.

— А откуда это пошло, не помните? — спросил третий присутствующий за столом мужчина.

— Что пошло, Лео? — переспросил Антон, будто удивившись вопросу.

— Ну... Чтобы непременно к деду Ивану — всем вместе... Мы что, когда-то клятву давали?

— Да. Именно так. Мы давали клятву, — тихо ответил Антон, не замечая насмешливости в голосе того, кого только что назвал странным именем Лео.

— Да? А я не помню...

— Конечно, ты еще салагой был, потому и не помнишь.

— А кому мы клялись? Деду Ивану? Или матери?

## *Чувство Магдалины*

— Да самим себе клялись.

— Ой, как романтично... Три брата дают торжественную клятву — каждое лето всем вместе приезжать в дом деда... А как это было, а? Расскажите! При свете луны, да? Или под барабанную дробь? А кровью мы нигде не расписывались, не?

— Слушай, Лео... Заткнись, а? — тихо проговорил Платон, отхлебывая из кружки пиво. — Будь человеком — хотя бы здесь. Не посягай на святое.

— Хм... Святое, как я понял, это когда каждый год приезжаешь. А не раз в пятилетку, да и то с трудом...

— А раньше и ездили каждый год, — вздохнув, заглянул в свою кружку Антон. Но пить не стал, отодвинул от себя брезгливо. И добавил тихо: — Да, Лео, так и было. Как бы ни были заняты, собирались вместе и ехали. Неужели не помнишь?

— Да помню, помню...

— А чего тогда задаешь свои дурацкие вопросы? Или у тебя других не бывает?

Лео улыбнулся светло, необидчиво, слегка пожал плечами. Потом положил голову на спинку скамьи, прикрыл веками глаза и будто отстранился от братьев. Провел границу водораздела — вы там, а я здесь, я сам по себе...

Он и впрямь не был похож ни на Антона, ни на Платона, что было довольно странно — как ни крути, а все же родные братья. Во всем его облике присутствовала некоторая расхлябанность, или

## ВЕРА КОЛОЧКОВА

расслабленность, счастливое ко всему равнодушные и свобода. Длинные выгоревшие на солнце волосы были собраны на затылке в пучок, линялая черная майка ловко облегла худое мускулистое тело, длинные поджарые ноги были свободно вытянуты под столом, руки спокойно лежали на спинке скамьи — со стороны казалось, будто Лео стремится обнять братьев, поделиться с ними своей расслабленностью. Или расхлябанностью, свободной и равнодушной.

Молчали долго, слушали, как резвится жаркий ветер в камышах. Их буйные заросли начинались в десяти шагах от каменной невысокой ограды, и в такой ветреный зной камышовое царство особенно напоминало о своем близком присутствии — казалось, это не просто шорохи, а чье-то тихое, совсем незлобное, но очень усталое ворчание.

Вышел из дома дед Иван, потер ладонями заспанное лицо. Вдохнул, потом долго смотрел на внуков, устроившихся под навесом.

— Дед, иди сюда, не стой на солнцепеке! Голова заболит! — позвал Платон и даже подвинулся слегка на скамье, хотя места за большим столом было с избытком.

— Так она и без того болит. Хоть на солнце, хоть без солнца... — вяло проговорил дед, медленно шагая к навесу.

Сел на скамью, сложил на столе в узел коричневые сухие ладони, поднял вверх подернутые влагой глаза:

## *Чувство Магдалины*

— Должно, гроза к вечеру будет. Ишь, как ветер в камышах гуляет! Даже спать не дает... Я только-только вздремнул, даже сон хороший увидел, но эти разбойники разве дадут поспать!

— Кто разбойники? Камыши? — без тени улыбки спросил Лео.

— Ну так... Я ж говорю. Так разрослись, скоро к дому вплотную подойдут.

— И что? — насмешливо спросил Антон. — Силой захватят, экспроприируют твою частную собственность, дед?

— Да не эско... не эспро... Фу-ты, леший, Антоха! Нет, чтобы нормальным словом сказать!

— Каким, например? Отожмут? Стырят? Сожрут?

— Да не... Не отожмут, не стырят и не сожрут. Не бойсь, Антоха. Мы с ними в дружбе живем, с камышами-то. И вообще, это место такое... Особенное. Здесь и впрямь камыши хозяева, это мы у них на постое, а не они у нас. Так и живем в постоянном согласии — люди да камыши. Я сколько себя помню, столько эти камышовые заросли помню. А может, я родился в камышах, кто знает.

— Хм! Да ты у нас поэт, дед Иван! — с интересом глянул на деда Лео.

— Да ладно, скажешь тоже... — отмахнулся недовольно дед. — Куда мне такое баловство, на хлеб его не намажешь. Это ты у нас из этих оборотов, Леонка, а я так, лепечу иногда, что в ста-

## ВЕРА КОЛОЧКОВА

рую башку взбредет. Как, бишь, эта стая бездельников да оборотов называется, я забыл?

— Эта стая зовется богемой, дед... — с тихим удовольствием подсказал Антон, ухмыльнувшись.

— Во-во. И Леонка у нас богема, стало быть. Ага.

— Да какая я богема, дед... Может, и богема, конечно, только несостоявшаяся. Что может быть хуже несостоявшихся богемных притязаний, правда?

Дед моргнул, не зная, что ответить. Да и вопрос от Лео вовсе не деду предназначался. И вообще — что за дурацкий вопрос? Повис в воздухе и словно вживую наслаждался напряженной неловкостью на лицах братьев. Вот Платон задумчиво поднес к губам полную кружку пива, вот Антон поморщился, отмахнувшись ладонью от навязчивого запаха воблы. Но ни пиво, ни запах воблы не могли перебить этого незадачливого напряжения, потому что вопрос прозвучал вполне конкретно — правда или неправда, и что может быть хуже... Но как на него ответишь? Вроде люди интеллигентные за столом собрались... Да, лучше промолчать, и тогда неловкость сама собой рассосется...

И деду эта пауза нелегко далась. Он явно почувствовал, что стоит за этим неловким молчанием, и тяжело вздохнул.

Нет, а чего еще он мог сделать? Только вздыхать. Глядеть на внуков, думать свою думу и уте-

## *Чувство Магдалины*

шать себя — мол, что получилось из них, то получилось. Хотя, чего бога гневить? Не абы какие мужики образовались, каждый при своем ремесле. Антоха — бизнесмен, дома строит, контора у него большая, людей в подчинении много. Нервишками, правда, слабоват, психованный стал в последнее время... Ну, да это ничего, отдохнет, поправится. Платон тоже в своем адвокатском ремесле далеко рванул и тоже контору свою держит, деньжищи, говорят, лопатой гребет. И жёны у Антона с Платоном какие-никакие есть... Правда, гордые шибко, сюда, в Камыши, их калачом не заманишь. Отпускают иногда своих мужиков деда навестить — и на том спасибо. А вот Леонка... Леонка подкачал, конечно. Не ту профессию выбрал. Да и что это за профессия — художник? И ведь столько денег в него вбухано, столько материных и его, деда, нервов... То ему мастерская нужна, то поездки черт знает куда, по разным странам... Все вдохновение ищет, бедолага. Кто бы знал, где это вдохновение обитает... Его же за деньги не купишь, нахрапом не возьмешь, вот и мается парень в поисках. И ладно бы хоть семья была, а то ведь и семью создать не удосужился! Живет один, девок меняет как перчатки. А эти девки его! Это ж отдельная песня! То в одну сторону его качнет, то в другую! То одна рядом живет, через месяц, глядишь, следующая появилась, и со счета сбиться можно! Наверное, Татьяна его в детстве больше других баловала.